

Этап II – Оккупация Эстонии Германией 1941 - 1944

Введение

Его Превосходительство Президент Эстонии Леннарт Мери писал членам Комиссии в своем письме от 14 августа 1998 года:

«Я надеюсь, что Комиссия поможет моей стране уверенно двигаться в будущее, после того как будут определены люди и группы, ответственные за многочисленные трагедии, обрушившиеся на нее полвека назад».

Комиссия была учреждена, чтобы разобраться в истории массовых нарушений прав человека в Эстонии в течение и после Второй мировой войны.

После того как в августе 1939 года между СССР и Германией был подписан пакт Молотова-Риббентропа, в июне 1940 года СССР оккупировал Эстонскую Республику. В 1940-1941 годах Советский Союз начал процесс включения Эстонии в свои структуры. С этой целью в Эстонии были арестованы многие ведущие политики, чиновники, бизнесмены, военные, зажиточные фермеры и представители интеллигенции. Государственная структура Эстонии была разрушена, неправительственные организации закрыты, а на частную собственность были наложены ограничения. Десятки тысяч граждан и жителей Эстонии стали жертвами преступлений против человечности и военных преступлений. В июне 1941 года Германия напала на Советский Союз и оккупировала территорию Эстонии до 1944 года, продолжая разрушать структуру эстонского государства и причиняя сильные страдания населению. В 1944 году Советский Союз снова оккупировал Эстонию и правил здесь до тех пор, пока Эстония не восстановила независимость.

Комиссия разделила свое исследование на три части: первая советская оккупация (1940-1941), германская оккупация (1941-1944) и вторая советская оккупация (начиная с 1944 года).

Главная задача этого Отчета – рассказать жителям Эстонии о германской оккупации. Фактические материалы получены в ходе расследования, проведенного Комиссией, от эстонских историков, из материалов архивов Эстонии, Германии а также (в меньшей степени) России, Израиля, Соединенных Штатов и Швеции. Комиссия считает, что исследования проведены на высоком уровне, объективны и основаны на заслуживающих доверия первичных и вторичных источниках.

Комиссия признает огромный вклад в работу историков, проводивших исследования, и секретаря Комиссии Тоомаса Хийо.

Комиссия хочет с самого начала подчеркнуть, что общая ответственность за большинство, если не все преступления, о которых говорится ниже, лежит на немецких военных и гражданских оккупационных властях. Это было установлено на Нюрнбергском процессе, а также в других источниках, и действия Германии описаны в нескольких исследовательских отчетах. Тем не менее, еще одна задача этого Отчета – выявить тех эстонцев, которые отдавали приказы или принимали участие в этих событиях, которые в силу занимаемых ими должностей или из-за своих действий несут ответственность за преступления против человечности, за геноцид и военные преступления.

Термины и определения

Для того чтобы точно определить, о ком именно идет речь, Комиссия согласилась применять термин «эстонский» только в отношении гражданства. В тех случаях, когда мы считаем необходимым выделить конкретные национальные или религиозные группы эстонских граждан, мы используем соответствующий термин (например, «эстонские евреи»). Термином «этнические эстонцы» мы описываем национальное большинство населения.

Комиссия признает, что под вопросом остается гражданство нескольких членов эстонского самоуправления, в том числе Хяльмара Мяэ и Альфреда Вендта. По мнению Комиссии, функции, которые выполняли эти люди, ясно показывают, что они считали себя гражданами Эстонии. Вероятность того, что они могли также формально иметь гражданство Германии не влияет на выводы настоящего Отчета.

На первом заседании Комиссия решила использовать определения «преступлений против человечности», данные в статье 7 Римского статута, принятого для Международного уголовного суда в 1998 году и приведенного в приложении к этому Отчету. Хотя эти определения и появились через много лет после изучаемых нами событий, мы уверены, что они служат стандартом, по которому можно оценивать те события. Кроме того, наша комиссия – это не суд; все юридические действия, предпринятые на основании сделанных Комиссией открытий, совершаются под ответственность соответствующих государственных организаций Эстонской Республики.

Рассматривая события, о которых говорится в данном Отчете, Комиссия также пришла к выводу, что некоторые из них подпадают под определение геноцида, приведенное в статье 6 Римского статута, ведь убийство эстонских евреев и эстонских цыган было «деянием, совершаемым с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, расовую или религиозную группу как таковую». Кроме того, убийство советских военнопленных в этот период подпадает под определение «военных преступлений», приведенное в статье 8 Статута.

Уголовные преступления

Комиссия считает, что перечисленные ниже события, имевшие место в ходе немецкой оккупации, служат, по крайней мере, при отсутствии опровержения, свидетельством того, что геноцид, преступления против человечности и военные престу-

пленя совершались эстонцами или при активном участии эстонцев на территории Эстонии и за ее пределами.

1. Эстония и холокост

1.1. Убийство эстонских евреев

Облавы и убийства начались сразу после появления в Эстонии первых немецких войск, сразу за которыми следовали специальные подразделения Einsatzkommando (Sonderkommando) 1A под командованием Мартина Сандбергера, входящие в особую группу Einsatzgruppe A, подчиненную Вальтеру Шталекеру. Аресты и казни продолжались с продвижением немцев по территории Эстонии. Примерно 75% эстонских евреев, зная, что их ожидает, бежали в Советский Союз. Почти все оставшиеся (от 950 до 1000 мужчин, женщин и детей) были убиты до конца 1941 года. Среди них были единственный раввин в Эстонии, профессор иудаистики из Тартуского университета, евреи, покинувшие еврейскую общину, психически больные, несколько ветеранов Освободительной войны в Эстонии. По имеющимся сведениям, войну в Эстонии пережили не больше двенадцати евреев.

1.2. Убийство иностранных евреев на территории Эстонии

Немцы привозили в Эстонию неизвестное число евреев из других стран, в том числе Литвы, Чехословакии, Германии и Польши. В Ягала в 1942 году был создан трудовой лагерь, комендантом которого был эстонец Александр Лаак. В течение 1942 несколько транспортов прибыли из Терезина. До 3000 евреев, не отобранных для работ, были вывезены в Калеви-Лийва и расстреляны. Лагерь Ягала был ликвидирован весной 1943 года, а большинство узников – расстреляны.

В сентябре 1943 года в Вайвара был создан лагерный комплекс под командованием немецких офицеров Ганса Омейера (Hans Aumeier), Отто Бренне (Otto Brennais) и Франца фон Бодмана (Franz von Bodman). Комплекс состоял примерно из двадцати полевых лагерей, некоторые из которых существовали недолго. Во время наступления русских осенью 1944 года какое-то количество пленных было эвакуировано по морю в концентрационный лагерь Штутгоф под Данцигом. В Клоога были расстреляны примерно 2000 заключенных, тела которых сложили в штабеля и сожгли. Убийства происходили также в центральной тюрьме Таллинна, в лагере в Тарту и в других местах.

1.3. Участие подразделений эстонских подразделений немецких сил и полицейских батальонов в актах геноцида и преступлениях против человечности (включая убийства евреев и депортацию евреев и других гражданских лиц) в городах и пересыльных лагерях за пределами Эстонии, а также в трудовых и концентрационных лагерях на территории Эстонии. Роль эстонских частей в этих действиях.

Исследователи, сотрудничающие с Комиссией, изучили материалы послевоенных судебных процессов, которые проходили в СССР, чтобы выяснить, где размещались и действовали конкретные эстонские военные подразделения и полицейские батальоны в разные периоды времени. Некоторые из этих материалов можно сравнить с данными, приведенными в книге “Eesti Vabadusvõitlejad” («Эстонские борцы за свобо-

ду»). Кроме того, мы получали информацию от частных лиц и из мемуаров. На основании проведенных исследований Комиссия делает вывод, что Эстонский легион и несколько эстонских полицейских батальонов активно участвовали в облавах и расстрелах евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок), выполняли охранные функции, по крайней мере, в четырех польских городах (Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь), охраняли несколько лагерей в Эстонии и других местах, участвовали в отправке в Германию неизвестного числа гражданских лиц из Польши и Белоруссии.

2. Убийство цыган в Эстонии

Согласно переписи 1934 года в Эстонии жили 776 цыган. Исследователи Комиссии составили список из 243 цыган, убитых в конце октября 1942 года. Известно также, что в Эстонии были убиты и иностранные цыгане, возможно, из Чехословакии. По нашим оценкам всего в Эстонии было убито от 400 до 1000 цыган, мужчин, женщин и детей. Часть эстонских цыган пережили войну.

3. Убийство не менее 7000 человек, включая примерно 6000 этнических эстонцев

Исследователи Комиссии провели статистический анализ послевоенных (с 1944 года по данный момент) архивных материалов советских времен и тщательно изучили имеющиеся базы данных. По оценкам исследователей в этот период, помимо евреев и цыган, было убито около 6000 этнических эстонцев. Кроме того, было убито примерно 1000 человек с неустановленным гражданством, большинство из них – русские по национальности. В некоторых случаях проводилось судебное заседание в той или иной форме, в других не было никакой, даже видимой, законности. Большинство из убитых были эстонцами по национальности и обвинялись в принадлежности к истребительным батальонам или симпатиях к коммунистам. Есть подтверждения того, что убивали и членов семьи осужденного. Убийства, в основном, совершались до весны 1942 года.

4. Убийства советских военнопленных

Условия содержания советских военнопленных были примитивными, что обуславливалось и скоростью продвижения немецких войск, и отказом Германии применять к советским военнопленным положения международных конвенций. В первую военную зиму смертность среди военнопленных была очень высокой. Многие из них были оторваны от своих подразделений задолго до плена, поступали в лагерь в плохом физическом состоянии, и жизнь их была в опасности. Позднее, когда некоторых пленных (в основном, украинцев, которых считали политически надежными) перевели на сельскохозяйственные работы, их положение улучшилось. Но те, кто работали в трудовых лагерях, жили в ужасных условиях. Внимательное изучение немногочисленных свидетельств позволяет предположить, что из 30 с лишним тысяч советских военнопленных, находившихся на территории Эстонии, умерли в заключении при-

мерно 15 тысяч. Сейчас уже невозможно установить, сколько военнопленных умерли от плохих условий содержания и плохого обращения, а сколько были сознательно убиты.

5. Использование принудительного и рабского труда

Исследователи Комиссии обнаружили свидетельства того, что в разных местах Эстонии, в частности, в лагерном комплексе Вайвара, использовался принудительный и рабский труд. Рабским считается труд заключенных (как правило, евреев и некоторых советских военнопленных), которые работали с непосильной, смертельной нагрузкой. Принудительным считается труд, даже в очень плохих условиях, нагрузка при котором не была смертельной.

Принципы ответственности

Комиссия считает, что ответственность за преступления, совершенные в отношении указанных выше событий, определяется двумя способами. Во-первых, мы считаем некоторых людей ответственными в силу занимаемых ими должностей в том, что они отдавали приказы, приведшие к преступлениям против человечности. Это были высшие руководители эстонского самоуправления, которые занимали посты директоров и подчинялись непосредственно Хяльмару Мяэ.

Во-вторых, ответственность определяется только на основании действий конкретного человека. Мы не проводили различия между теми, кто добровольно служил оккупационным силам, и теми, кого силой заставили работать. Главным для нас были действия конкретного человека.

Подробная оценка ответственности

Комиссия изучила роль эстонского самоуправления (известного как Директорат). Задача исследования состояла в том, чтобы определить, по чьему приказу и при каких обстоятельствах был образован Директорат, была ли у него достаточная свобода действий, какими были его функции в отношении оккупационных сил и эстонского народа, в какой степени сотрудники Директората несут ответственность за уголовные преступления, совершенные в период его деятельности.

Комиссия пришла к выводу, что Директорат был учрежден с разрешения немецких властей с целью создать удобную структуру для управления на территории Эстонии, что позволило немцам тратить на это меньше собственных ресурсов. Должность Директора была добровольной. Нет никаких данных, что кто-либо из руководителей Директората подвергался принуждению в любой форме.

Хотя Директорат и не обладал полной свободой действий, он пользовался значительной независимостью в установленных Германией рамках, политических, расовых и экономических. Например, Директора осуществляли свои полномочия в соответствии с законами и нормативными актами Эстонской Республики, но только в той степени, в которой эти законы и акты не были отменены или дополнены немецким

военным командованием.

Независимость Директората, в частности, позволяла содержать полицейские силы, которые вместе с немцами участвовали в поимке и убийствах эстонских евреев и цыган, в поиске и убийстве эстонцев, считавшихся врагами оккупантов. Впоследствии эти полицейские силы были включены в состав полиции безопасности. Они также осуществляли незаконное привлечение эстонцев к принудительным работам или к военной службе под командованием немцев.

Поэтому, по мнению Комиссии, перечисленные ниже лица, служившие в разное время Директорами или занимавшие другие высокие должности, разделяют, в силу занимаемых ими должностей, с немецкими властями ответственность за все преступления, совершенные в Эстонии и за ее пределами военными подразделениями и полицейскими батальонами, организованными с согласия этих лиц, в течение немецкой оккупации:

Хяльмар Мяэ

Оскар Ангелус

Альфред Вендт

Отто Леесмент

Ханс Саар

Оскар Ёпик

Арнольд Радик

Йоханнес Соодла

Комиссия также рассмотрела создание и роль полиции, которая сначала подчинялась Директору внутренних дел (Оскар Ангелус), а затем – непосредственно главе Директората Хяльмару Мяэ, пока в 1944 году руководство полицией не перешло к немцам.

Несмотря на то, что эстонские полицейские структуры были формально подчинены немецкой полиции безопасности и полиции, есть свидетельства, подтверждающие, что эстонцы пользовались значительной независимостью действий по аресту и допросу подозреваемых, вынесению и исполнению приговоров.

Комиссия изучила структуру полиции и ее полномочия, изменявшиеся в ходе нескольких реорганизаций, в том числе, в мае 1942 года, при которой эстонская полиция была перестроена по типу немецкой полиции безопасности. Комиссия считает, что полиция активно участвовала в арестах и убийствах эстонских евреев. Полиция также активно участвовала в действиях против эстонцев, считавшихся врагами немцев. В частности, но не только, такие функции выполняла группа Б, эстонская полиция безопасности, которую возглавлял Айн-Эрвин Мере, а позднее – Юлиус Эннок.

Комиссия считает, что, несмотря на преступления некоторых полицейских, нельзя возлагать ответственность на всех служивших в разных подразделениях полиции во время немецкой оккупации, только в силу занимаемых ими должностей. Те люди, служившие в полиции или в других местах, которые действительно совершали преступления, должны нести за них индивидуальную ответственность.

Однако Комиссия считает, что из этого общего правила следует сделать исклю-

чение для сотрудников политической полиции (отдел Б-IV) во главе с Юлиусом Эннокком. Учитывая специфику этого подразделения, Комиссия считает необходимым возложить вину за подобные преступления на всех сотрудников департамента Б-IV в силу занимаемых ими должностей.

Комиссия особенно подчеркивает роль Айна-Эрвина Мере, Юлиуса Эннока, Эрвина Вика и Эвальда Миксона, подписавших многочисленные смертные приговоры, Карла Линнаса и Александра Коолмейстера, соответственно коменданта и старшего офицера лагерей в Тарту и Таллинне, Александра Лаака, коменданта в Ягала и позднее в Таллинне. Комиссия также выделяет членов «троек» – состоявших из трех человек трибуналов, которые выносили приговоры советским военнопленным, лицам, подозреваемым в симпатиях к коммунистам, и «антиобщественным элементам».

Комиссия внимательно рассмотрела роль и ответственность людей, работавших на Директорат в других, кроме полиции, организациях, и на низших должностях, от мелких чиновников до начальников департаментов. Хотя их деятельность и способствовала успеху немецких военных действий, мы пришли к выводу, что в отсутствие доказательств по конкретным действиям, совершенным этими людьми и способствовавшим совершению преступлений, мы не можем считать их виновными в уголовных преступлениях только в силу занимаемых ими должностей.

Многие из чиновников нижнего и среднего уровней занимали те же или аналогичные должности при предшествовавших режимах. Комиссия считает, что эти люди принадлежали к той многочисленной категории эстонцев, которые могли знать о преступлениях, но не принимали в них участия и не протестовали против них.

Комиссия рассмотрела роль «лесных братьев» и их последователей (организация «Омакайтсе») на ранних этапах немецкой оккупации. Отчеты исследователей показывают, что члены «Омакайтсе», в основном, убивали предполагаемых коммунистов в первые два месяца после вторжения Германии. Подразделения «Омакайтсе» также участвовали в облавах на евреев (и, возможно, в их расстрелах).

По нашим оценкам, в «Омакайтсе» состояли 30-40 тысяч членов. Сравнение численности «Омакайтсе» на местах и количества обвинений в убийствах, совершенных на соответствующих территориях, позволяет предположить, что непосредственно в преступлениях участвовали относительно немногие члены этой организации (от 1000 до 1200 человек).

Членов «Омакайтсе» призывали в вооруженные силы и в полицейские батальоны вместе с другими добровольцами и (позднее) рекрутами. Комиссия изучила те многочисленные материалы, которые имеются о деятельности этих подразделений на территории Эстонии и в других местах.

Комиссия рассмотрела действия эстонских военных и полицейских частей, стремясь определить, какие конкретно подразделения принимали участие в следующих событиях:

- 1) сопровождение депортированных из Вильнюса евреев в Эстонию.
- 2) охрана лагерного комплекса Вайвара, лагерей в Тарту, Ягала, Таллинне, лагерей для советских военнопленных – во всех этих лагерях убивали заключенных.
- 3) охрана пересыльного лагеря для евреев в Избице (Польша), где было убито много евреев.
- 4) патрулирование, чтобы евреи не могли убежать при облавах в нескольких поль-

ских городах, в том числе Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь.

5) облава и массовый расстрел евреев, по крайней мере, в одном белорусском городе (Новогрудок).

Изучение эстонских воинских частей осложняется частыми изменениями в их названиях, личном составе и заданиях, которые нередко плохо документируются. Однако, тщательно сверяя материалы расследований, проведенных советскими органами, и материалы из эстонских архивов, удалось установить, что эстонские подразделения принимали активное участие, по крайней мере, в одной облаве с массовыми убийствами в Белоруссии, и об этом есть подробные документы. 7 августа 1942 года при участии 36-го полицейского батальона почти все евреи, уцелевшие к тому моменту в городе Новогрудок, были собраны и расстреляны.

В публикациях говорится, что этот батальон в указанное время вел бои с партизанами. Комиссия считает, что, хотя, конечно, были многократные столкновения полицейских частей с партизанами, но словами «борьба с партизанами» и «охрана военнопленных в лагерях» нередко прикрывалось участие в акциях против гражданских лиц, в том числе, евреев.

Есть свидетельства очевидцев о присутствии эстонских подразделений среди охранников в городах Лодзь, Пшемьсл, Ржешов, Тарнополь, хотя документальных подтверждений этого мало. Из гетто трех последних городов в июле-сентябре 1942 года проводились массовые депортации в лагерь смерти Белжец. Однако ни указанные сроки, ни имеющиеся свидетельства не позволяют однозначно говорить об участии эстонских подразделений в этих событиях.

Исследователи также обнаружили свидетельства о преступлениях против человечности и актах геноцида, в которых участвовали 286, 287 и 288 полицейские батальоны в разное время своего существования. Сюда относятся убийства заключенных в лагерях на территории Эстонии, участия в так называемых «рейдах» по деревням Польши, Белоруссии и Литвы. 287 батальон был на дежурстве в лагере Клоога в сентябре 1944 года, когда там были убиты последние заключенные, оставшиеся в живых. Пока не понятно, кто конкретно совершал убийства – немецкие охранники из СС, члены резервного полка эстонской СС или полицейские из 287 батальона. Тем не менее, очевидно, что 287 батальон активно участвовал в сборе заключенных, охране и сопровождении их к месту гибели. Затем это подразделение увезли в Германию, а большинство его личного состава перевели в 20 эстонскую дивизию СС.

Учитывая, как часто полицейские подразделения меняли свой состав, Комиссия считает, что сама по себе служба в указанных частях или в какой-то конкретной части не может быть доказательством участия в преступлениях. Однако те люди, которые служили в этих частях во время совершения преступлений против человечности, должны нести ответственность за свои собственные действия.

Общие условия

Комиссия считает, что не должна завершать данный отчет, не сделав некоторых комментариев общего характера в отношении той ситуации, в которой Эстония оказалась во время немецкой оккупации.

Нет никакого сомнения в том, что годовая советская оккупация, непосредствен-

но предшествовавшая нападению Германии на Советский Союз, нанесла огромный ущерб организациям Эстонии и ее гражданам. В частности, массовая депортация в июне 1941 года (не менее 1 процента всего населения, в том числе 10% еврейской общины) создала в стране атмосферу паники, в которой вторжение немцев сначала многим казалось знаком свободы.

В неразберихе первых двух месяцев, пока немецкие войска не оккупировали всю Эстонию, большинство населения не заметило, как на эстонской территории нацисты проводили политику геноцида против эстонских евреев, проявившуюся в резне эстонских евреев в Пярну и других местах.

Ко времени начала массовых арестов на евреев и цыган (конец августа 1941 года) более трех четвертей евреев уже бежали из Эстонии. Есть парадоксальные свидетельства, что некоторые из оставшихся в Эстонии евреев отказались искать убежища в Советском Союзе.

Зондеркоманда 1А вместе с «Омакайтсе» и эстонской полицией так тщательно истребляла эстонских евреев, что не было образовано гетто. До прибытия в эстонские лагеря евреев из-за границы на территории Эстонии оставались только те несколько евреев, которых спрятали эстонские друзья или родственники.

Использование эстонских военных подразделений (в том числе и Эстонского легиона) и полицейских батальонов для разных заданий в Белоруссии и Польше означает, в лучшем случае, равнодушие их личного состава к бедам евреев, а в худшем – активное соучастие в геноциде. Эстонские подразделения охраняли несколько польских городов, откуда евреев периодически вывозили в лагеря смерти, чтобы евреи не смогли бежать из города. Принимая во внимание все, что происходило в других местах, в этих городах могли быть попытки евреев прорваться в леса. У нас нет документального подтверждения действий, совершенных эстонскими подразделениями, но их присутствие в этих городах и вокруг них бесспорно.

Также бесспорны свидетельства Яна Карски – бойца польского Сопротивления – о событиях в пересыльном лагере Избица. Евреев грузили в вагоны, полы в которых были покрыты негашеной известью, и держали составы на запасных путях, пока все люди не умирали. Карски попал в лагерь (сначала он думал, что это – Белжец), подкупив эстонского охранника. Это эстонское подразделение, номер которого узнать не удалось, несло охранную службу вместе с солдатами других национальностей.

Свидетельства участия 36-го полицейского батальона в ликвидации гетто в городе Новогрудок намного ярче и убедительнее. Учитывая неоднократное использование уже знакомых выражение («борьба с партизанами») для описания этих преступлений, Комиссия считает, что, по крайней мере, часть действий эстонских полицейских батальонов составляли преступления против человечности или геноцид.

Есть сомнения в том, как действовали «лесные братья», а позднее «Омакайтсе» в первые недели после немецкого вторжения, ведь по этой теме очень мало документов. Набор в «истребительные батальоны» для проведения тактики «выжженной земли» при отступлении Красной Армии привел к началу Летней войны в Эстонии – столкновениям между вооруженными бандами эстонцев, придерживающихся разных политических взглядов.

Наши исследования показывают, что большинство в истребительных батальонах составляли эстонцы по национальности, также как их враги в «лесных братьях», и в

«Омакайтсе». Есть все основания полагать, что в неразберихе первого этапа немецкой оккупации преступления совершали обе стороны, намеренно убивая ни в чем не повинных мирных жителей. В эту категорию попадают многие сотни «подозреваемых», попавших в облавы «Омакайтсе», или убитые советскими истребительными батальонами.

Самым трудным было положение тех, кто хотел вернуться в свободное и демократическое эстонское государство, а потому сопротивлялся и немецкой, и советской власти. У них практически не было способов самовыражения. О существовании таких людей можно сделать вывод, проанализировав недостаток добровольцев для полицейских и военных частей на ранних этапах немецкой оккупации.

Опросы общественного мнения, которые проводила полиция безопасности Эстонии, показывают, что такое пассивное сопротивление усиливалось, по мере того как становилось ясно, что при немцах независимость Эстонии не будет восстановлена и что конфискованные при Советской власти землю и имущество возвращать не будут.

Следует отметить, что более 3500 эстонцев перебрались через Финский залив: некоторые стремились избежать мобилизации, другие хотели сражаться против Советского Союза, но не под командованием немцев. Мы считаем, что многие из этих людей совершили единственный, как они считали, возможный поступок, позволивший им сыграть активную роль в борьбе за восстановление независимости Эстонской Республики. Мы считаем, что 1800 мужчин, вернувшихся в Эстонию в августе 1944 года по призыву последнего премьер-министра довоенной Эстонии Юрии Улуотса, продолжали верить в это, возвращаясь в Эстонию, на которую наступали Советские войска.

В сущности, главная проблема во время немецкой оккупации (и после нее) заключалась в том, что сопротивление немцам неизбежно считалось бы поддержкой коммунизма и Советского Союза, а сопротивление Советским войскам – поддержкой нацизма. Несмотря на то, что дипломаты Эстонской Республики продолжали работать в нескольких странах, не существовало эстонского правительства в изгнании, от имени которого можно было сопротивляться. «Ничейная земля» была очень маленькой.

До конца лета 1944 года те немногие политики, которые выступали за демократию и независимость, и продолжали действовать, считали, что после окончания войны Эстония сможет на мирной конференции заявить о своей независимости. С высоты прошедших лет видно, что это была несбыточная надежда. Предпринятая в сентябре 1944 года попытка восстановить независимое государство и правительство и предотвратить возвращение Советской власти разбилась о сопротивление немецких властей, отказ Советов от переговоров и слабость воинских частей, бывших в распоряжении нового правительства.

Люди, покидавшие Эстонию перед наступлением русских, не хотели снова оказаться в Советской оккупации. Среди них были и те, кто опасался предстать перед советским судом за сотрудничество с немцами. Некоторые из них были членами Директората, полиции безопасности, или в составе военных или полицейских частей охраняли лагеря и города, в которых совершались преступления против человечности и акты геноцида.

Почти никто из этих людей не отвечал в суде за содеянное. Начало холодной войны стало чем-то вроде амнистии для тех, кто мог заявить, что они боролись против Советской власти, пусть даже в союзе с немцами или под их командованием. И почти никто, за редким исключением, не задавал им вопросов о том, чем они занимались во время войны. Поэтому многие беженцы свободно эмигрировали в Англию, Австралию, Канаду, США и другие страны.

В рамках своего исследования мы рассмотрели судьбы многих эстонцев, оставшихся в Эстонии или попавших в руки Советов в качестве пленных и отданных под суд. Лишь некоторые были оправданы. Остальных судили за совершенные преступления на основании заслуживающих доверия доказательств. Но те обвинения, которые основывались только на сотрудничестве эстонцев, как граждан СССР, с немцами, были несправедливыми. Эстония формально не вступала в СССР с соблюдением необходимых процедур, и эстонцы имели все основания считать себя гражданами Эстонской Республики.

Мы признаем, что репрессивная политика Советского Союза в оба периода оккупации, неспособность Эстонии восстановить свою независимость в течение и после немецкой оккупации, потери жизней и имущества, ставшие результатом войны, утрата десятков тысяч эстонцев, которые бежали от возвращающейся Советской власти делают Эстонию и эстонцев нацией-жертвой. После войны было естественным, что эстонцы в изгнании и эстонцы в Эстонии приписывали всю вину «оставшемуся угнетателю» – Советскому Союзу. Это объясняет, почему было так трудно иметь дело с немецкой оккупацией.

Комиссия считает, что быть жертвой – не значит не совершать преступлений. Люди, уважающие закон, должны признавать совершенные преступления, если они были совершены, осуждать эти преступления и людей, их совершивших.

Будет несправедливо обвинять всю нацию в преступлениях некоторых ее членов, но также несправедливо позволять преступникам находить убежище под покровом мученичества.